

О. Седакова

ИЗ КНИГИ "ADVENT"

Бывают дни: душа моя пуста,
народ ушел, и в тихом Божьем храме
клубится ангел, возводя кругами
благосuhanье, чтобы в фимиаме
взошла сияющая нищета...

ИЗ "КНИГИ О СТРАНИЧСТВЕ"

Ты знаешь ли святых Твоих, Господь?
И в тесных кельях, где они трусились,
им слышно было, как томится плоть. —
Они ушли и в землю возвратились.

И каждый жег свой свет и выдыхал
свой нищий воздух в избранной могиле.
Кончался возраст. Облик исчезал.
Как дом без окон, эти души жили.
Их смерть продла и обратилась в прах.

Они читали редко: на листах
все было так, словно мороз на книги
дохнул — и как на их костях вериги,
значения повисли на словах.

Они не говорили между собой,
с тех пор как опустились в подземелье.
Их волосы висели, как хотели.
Никто не знал, живет еще другой
или скончался.

В большей из пещер,
там, где святой бальзам питал лампады,
они сходились и садились рядом...
перед дверьми, перед блаженным садом,
шумели бороды; как пожль в плюще,
сон шелестел под их бесконным взглядом.
С тех пор как ночь не обрывалась днем,

ИХ ЖИЗНЬ БЫЛА — НЕСЧЕТНОЕ НАЧАЛО.

Да, некая волна нац ници встала,
схватила и швырнула в древний дом
утробы. Как зародыши, клубком,
большеголовы, с птичьими руками,
они уже не ели, возникая
в глубоком сне, во чреве вековом.

И вот из горопов и перевень
падомники идут на поклоненье ..
сюда, где три столетия — как день
и где они лежат, не зная тленья.
Как свечи, оплывает темнота
и допится у лиц неопалимых,
под пеленами белыми хранимых,
и складки этих рук неразрешимых
лежат, как складки горного хребта.

Ты, Господи святых и вознесенных,
иль ты забыл для этих погребенных
назначить смерть, когда была она
при жизни ими прожита до дна?
Или, себя с умершими равняя,
с бессмертьем смертный будет породнен,
и жизнь останков, страшная, большая,
одна преодолеет смерть времен?
И, если век их для тебя хорош,
возвьмешь ли Ты сосуд, пустой и верный
и знающий о том, что Ты, безмерный,
однажды кровь свою в него вольешь?

ИЗ "КНИГИ ОБРАЗОВ"

ПОБЕГ ВЛУДНОГО СЫНА

Итак, бежать. Все спутанно, вражденно,
все наше и де нам принадлежит,
все, как вода в потоке засоренном,
нас криво отражает и прожиг,
и, как репейник на пути решенном,
еще уцепится за нас. Бежать.

И увидать
все то, что время не дает . .
увидеть за присутствием поденным, —
вдруг сладостным узнать и примиренным,
в начале сердца и вблизи. И вот
угадывать как все одушевленно,
какая скорбь сюда идет
из детских дней, где слезы глубоки.

И все ж бежать. И руку из руки
мы выпернем. Так счастье разбивают,
и прочь. Куда? К неведомому краю,
в края, какие сердцу палеки,
и, как кулиса, лейство закрывают.
Где все равно: стена, изгиб реки. —

и прочь. Зачем? Из сходства, из желанья
сродства, из нетерпенья, ожиданья, —
непостижимости, постигнутой тоски. —
и этого лишить себя. С дустою
надеждою лишить, чтоб одному
кончаться, не гадая, почему...

Иль это выход в бытие другое?

МАСЛИЧНЫЙ САД

И он прошел в темнеющих ветвях,
неразличимый на масличном склоне.
И он сложил всю ношу лба, весь прах
в глубокий прах земной, в своем ладони.

И это все. И это был конец.
Но как же я уйду теперь, незрячий?
Зачем ты хочешь, чтобы я, Отец,
сказал Тебя? — Ты мной уже утрачен.

Здесь нет тебя. Мой пух, пуша моя
тебя не знают. Камень и струя
тебя не знают. Нет. Здесь только я.

Здесь только я и скорбь веков. Я сам
взялся сложить ее к твоим ногам.
Но нет тебя. О безымянний срам.
И скажут: ангел появлялся там.

Какой же ангел? Это ночь пришла
в масличный сад, глухая и слепая.
И юноши вздыхали, засыпая.
Какой же ангел? это ночь пришла.

И ночь была одна из тех убогих,
каких миллион уже прошло.
Заснули псы и камни на дорогах.
О скорбная! О многая из многих! -
и как она ждала, чтоб рассвело.

К такой молитве ангел не приходит.
Ночь не выволит из ночей.
Собой утраченный - уже ничей.
Таким отцы прощенья не находят.
Их оттолкнут утробы матерей.

ИЗ "СОНЕТОВ К ОРФЕЮ"

П - ч.1

И, девочка почти, она дошла
из ликованья голоса над лирой,
и просияла в ткани прихотливой,
и слух мой, как постель разобрала,

и спит во мне. И это сон ее:
деревья торжества и восхищенья,
луг ощутимый, дали ощущенья
и все, чем сердце тронуто мое.

И спит о мире. Боже, научи,
как ты свершил ее, не пробуждая? -
и спит, и возникая, восстает...

Где смерть ее? Кула мотив ведет?
Куда исчезнет песня, поглощая
себя во мне? О, лягушка почти...

VIII - ч.1

И в пределы похвали, робея,
входит нимфа плачущих ключей —
та, под чьим надзором, не мутнея,
наше ниспаданье у камней,

алтари несущих и притворы.
Погляди же, как несет в тиши
ощущенье брошенного хора
младшая из сестринства души.

Радость знает, и тоска владеет.
Жадоба в ученье: не умеет
беды перебрать до половины.

Но порой неловко развернет
голос наш, как звездную картину, —
и в дыханье небо не умрет.

IX - ч.1

Тот только, кто пронесет
лиру в загробье,
 тот, угадав, возведет
славу над скорбью.

Кто с мертвцами вкусит
мака забвенье —
гибнущий звук возвратит
в вечное пенье.

Пусть отраженье с водой
вновь унесется —
образ построй:

только из безды двойной
голос вернется,
како живой.

ХII - ч. II

Мпу превращенья. Ты, одушевившее пламя,
ты, что уводишь от нас круговоращенье вещей,
ты, замышляющий дух, овладевший земными вещами,
в вечном прощанье они станут походкой твоей.

Тот же, кто выбрал остаться, в себе заключиться — едва ли
впрямь он былм огражден и в почтенном спасен.
Есть и на крепких крепчайшее: из настороженной дали —
слышишь ли? — молот уже занесен.

Только того, кто излит, как источник, кто познан без муки,
вводит познанье на праздник и в ясном твореньи кружит:
это начало бесподобно, в конце же творца забытье.

Это пространство — литья небывалой разлуки.
Преображенная Дафна, лавром себя обнаружа,
ждет, чтобы в ветре пришло преображанье твое.

ХХI - ч. II

Сердце, сады воспоеи и садов непоступные входы! —
в ясном и твердом сосуде их выжедил свет.
Розы Сираза доем, исфаганские волы,
славя салы, для которых пособия нет.

Сердце, тверди, что ты их не теряло, что там
помнят тебя, и гордись налитыми плодами,
словно ты там, словно там, между живыми ветвями,
воздуха облик цветной поднимается к нам.

Не заблуждайся: ничто не грозит нищетою.
Нет нищеты для того, кто решается быть.
Шелковой нитью войди в полотно золотое.

Сердце, с каким бы из образов или с каким из мучений
ты в глубине не сплеталось, как с нитями нить, —
памятно целое. Ясен ковер восхвалений.